

ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ СО СТАРОЙ ДЕВОЙ

СОФИЯ ВУЛ

София Вул

Пять вечеров со старой девой

«Автор»

2026

Вул С.

Пять вечеров со старой девой / С. Вул — «Автор», 2026

В тот вечер, когда жена уходит из дома, сорокавосемилетний мужчина случайно оказывается в квартире пожилой соседки Анны Сергеевны — остроумной «старой девы», давно научившейся никого не ждать. За пять вечеров, проведённых за чаем и разговорами, она рассказывает ему историю любви, оборвавшейся сорок три года назад. Но неожиданно прошлое возвращается — вместе с известием о смерти любимого человека и письмами, которые так и не были отправлены. Камерная, ироничная и светлая повесть о позднем раскаянии, несчастливом браке и праве каждого человека выбирать собственную жизнь. О том, что одиночество не всегда означает пустоту, а уход порой становится первым шагом к себе.

© Вул С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вечер первый. Лишний стул	6
Вечер второй. Жених с чужим чемоданом	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

София Вул

Пять вечеров со старой девой

ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ

СО СТАРОЙ ДЕВОЙ

Вечер первый. Лишний стул

Впервые я увидел Анну Сергеевну в тот вечер, когда жена сообщила, что собирается от меня уйти.

Сообщила она об этом спокойно, почти буднично, стоя у кухонного окна и глядя, как октябрьский дождь перечёркивает стекло тонкими косыми линиями.

— Я больше так не могу, — сказала Лена.

Фраза была до обидного банальной. Такие слова произносят в сотнях фильмов и тысячах кухонь, но, когда они обращены к тебе, почему-то кажется, что до сих пор никто ничего подобного не говорил.

— Как — так?

— Вот так.

Она обвела взглядом кухню, словно ответ находился среди белых шкафчиков, невымытых чашек и магнита из Турции, куда мы ездили семь лет назад и ещё были счастливы. Или думали, что были.

— Я поживу у мамы. Потом решим, что делать дальше.

— У тебя кто-то есть?

— Нет.

Она ответила слишком быстро, и я сразу понял, что действительно никого нет. Если бы был, Лена выдержала бы паузу, подготовившись к этому вопросу заранее.

Она ушла через двадцать минут. Забрала небольшой чемодан, синее пальто, документы и зарядку от телефона. На полке осталась её любимая кружка с надписью «Королева имеет право опаздывать». Почему-то именно эта кружка убедила меня, что всё несерьёзно.

Человек, решивший уйти навсегда, не оставляет любимую кружку.

Я просидел на кухне до половины десятого, после чего в квартире погас свет.

Сначала я решил, что перегорела лампочка. Затем обнаружил, что не работает телевизор, холодильник молчит, а роутер смотрит на меня потухшими глазами. На лестничной площадке тоже было темно.

Телефон показывал восемь процентов заряда.

Я вышел в подъезд и встретил там Анну Сергеевну.

Она жила этажом ниже. Я знал её в лицо, но до того вечера мы почти не разговаривали. Иногда здоровались у лифта, иногда я придерживал перед ней дверь. Ей было лет шестьдесят пять, хотя позднее выяснилось, что семьдесят два. Она носила коротко подстриженные седые волосы, яркие шарфы и ходила с такой прямой спиной, словно всю жизнь готовилась пройти перед невидимой комиссией.

В руке она держала подсвечник с горящей свечой.

— Конец света? — спросил я.

— Нет, обычное российское коммунальное хозяйство. Конец света был бы организован лучше.

Я невольно усмехнулся.

— Вы знаете, надолго отключили?

— До полуночи. Объявление три дня висело у входа.

— Не заметил.

— Мужчины вообще редко замечают объявления. Даже если написать на двери: «Осторожно, впереди несчастливая жизнь», они всё равно войдут и только потом удивятся.

Она подняла подсвечник выше и внимательно посмотрела на меня.

— У вас неприятности?

— С чего вы взяли?

— Вы вышли из квартиры в домашних тапочках, но с ключами от машины. Значит, собирались куда-то бежать, но ещё не решили куда. Кроме того, вы небритый и несчастный. Обычно вы только небритый.

Я опустил взгляд. В правой руке действительно были зажаты автомобильные ключи.

— Жена ушла.

— Насовсем?

— Не знаю.

— Тогда это не ответ, а диагноз.

Анна Сергеевна помолчала и кивнула на лестницу.

— Спускайтесь ко мне. У меня газовая плита, свечи и пирог с яблоками. В темноте человеку вредно оставаться одному. Он начинает думать, а без привычки это опасно.

— Не хочу вас стеснять.

— Я живу одна сорок три года. Поверьте, молодой человек, стеснить меня невозможно. Для этого нужно обладать хотя бы характером.

Молодым человеком меня давно никто не называл. В свои сорок восемь я уже привык к нейтральному «мужчина» и тревожному «пациент», которое употребляли врачи. Однако спорить с Анной Сергеевной было неудобно.

Её квартира оказалась совсем не такой, какой я ожидал.

Я почему-то представлял ковёр на стене, шкаф с хрусталём и телевизор, укрытый вышитой салфеткой. Но комната была просторной и светлой даже при свечах. На стенах висели акварели, вдоль окна тянулись книжные полки, а посреди гостиной стоял круглый стол с четырьмя стульями.

Один из них был завален журналами. На другом лежала коробка с нитками. Третий занимала Анна Сергеевна. Четвёртый предназначался мне.

— Чай или коньяк? — спросила она.

— Коньяк.

— Значит, всё серьёзно. Наливайте чай.

Она поставила передо мной чашку и принесла пирог. От него пахло яблоками, корицей и тем уютом, который почему-то особенно мучителен, когда собственный дом внезапно перестаёт казаться домом.

— Давно вы женаты? — спросила она.

— Двадцать три года.

— Приличный срок. За убийство меньше дают.

— Вы всегда так говорите о браке?

— Только при женатых мужчинах. Незамужним женщинам я рассказываю, что брак прекрасен. Каждый должен совершить свои ошибки самостоятельно.

— А вы были замужем?

— Нет.

Она произнесла это без смущения и без той демонстративной гордости, с которой люди иногда признаются в жизненных неудачах, пытаясь представить их личным выбором.

— Никогда?

— Представьте себе. Ни разу не удалось испортить биографию штампом в паспорте.

— Простите. Я не хотел...

— Пожалеть меня?

— Я не это имел в виду.

— Именно это. Просто вы воспитанный человек и не успели подобрать вежливые слова.

Она отрезала ещё кусок пирога, положила себе на тарелку и добавила:

— Меня жалели всю жизнь. В двадцать пять говорили: «Ничего, встретишь своего человека». В тридцать пять — «Надо было быть менее разборчивой». В сорок пять — «Хорошо,

что хотя бы работа есть». В шестьдесят — «Зато никто не мешает смотреть телевизор». Будто ради телевизора стоило прожить столько лет.

— А сейчас?

— Сейчас не жалеют. Сейчас завидуют, но стараются делать это незаметно.

— Чему завидуют?

— Тишине.

Я подумал о своей квартире этажом выше. Ещё час назад тишина там казалась мне страшной.

— Разве в тишине нет одиночества?

— Есть. А в браке его, по-вашему, не бывает?

Я не ответил.

Она отпила чай и посмотрела на меня поверх чашки.

— Вот вы сегодня впервые заметили, что одиноки. Но жена ведь не сегодня решила уйти. Она долго уходила. Может быть, несколько лет. Просто делала это маленькими шагами, чтобы вы не услышали.

Слова были неприятными. Настолько неприятными, что я отложил вилку.

— Вы ничего не знаете о нас.

— Конечно. Но я знаю людей. К сожалению, они не слишком разнообразны.

— Мы нормально жили.

— «Нормально» — самое опасное слово в семейной жизни. Им обычно прикрывают всё, что давно перестало быть хорошо.

— А что я должен был делать? Каждый день спрашивать, счастлива ли она?

— Иногда достаточно спросить, о чём она думает.

— Я спрашивал.

— И слушали?

Я встал и подошёл к окну. Во дворе было темно. В соседнем доме свет горел, и в каждом освещённом окне шла своя жизнь: кто-то ужинал, кто-то разговаривал по телефону, кто-то гладил бельё. Люди двигались за стёклами, как актёры на маленьких сценах.

— Она сказала, что никого нет, — произнёс я.

— Это вас успокаивает?

— Не знаю.

— Напрасно. Когда женщина уходит к другому мужчине, остаётся надежда, что она ошиблась в нём. А когда уходит просто от вас, ошибку придётся искать ближе.

Мне захотелось рассердиться. Но на кого? На пожилую соседку, которая угостила меня пирогом? На Лену? На себя?

— Вы жестокая женщина, Анна Сергеевна.

— Нет. Жестокие люди лгут из любви к собственному удобству. Я всего лишь экономлю время.

— И вы никогда не жалели, что не вышли замуж?

Она взглянула на четвёртый стул, на котором сидел я.

— Почему же? Жалела. Иногда очень сильно.

Впервые за весь вечер её голос изменился. Совсем немного, но ирония исчезла.

— Был человек, за которого вы хотели выйти?

— Был человек, который хотел на мне жениться. Это не одно и то же.

— Вы его не любили?

— Любила.

— Тогда почему отказались?

Анна Сергеевна поднялась, собрала тарелки и отнесла их на кухню. Там зашумела вода. Я решил, что она не ответит.

Вернувшись, она поставила передо мной небольшую стеклянную рюмку и налила коньяк.

— Теперь можно, — сказала она. — Вы достаточно согрелись, чтобы не использовать его как лекарство.

— Так почему вы отказались?

— Потому что он был женат.

— Но собирався развестись?

— Разумеется. Женатые мужчины всегда собираются развестись. Некоторые занимаются этим всю жизнь и умирают, не закончив приготовления.

— Он любил вас?

— Наверное.

— А вы его?

— Точно.

— И всё-таки не стали ждать?

Она улыбнулась.

— Вот тут вы ошибаетесь. Я ждала. Пять вечеров.

— Всего пять?

— Иногда пять вечеров длиннее двадцати трёх лет.

В подъезде что-то щёлкнуло. Вспыхнула люстра, зажужжал холодильник, на полке ожили электронные часы.

Анна Сергеевна прищурилась от яркого света.

— Электричество дали раньше. Редкий случай, когда государство вмешалось в чужую жизнь удачно.

Я посмотрел на часы. Было без десяти одиннадцать.

— Мне, наверное, пора.

— Наверное.

У двери я остановился.

— Анна Сергеевна, а что произошло за те пять вечеров?

Она поправила ярко-красный шарф, всё ещё лежавший у неё на плечах.

— Завтра расскажу.

— Почему не сейчас?

— Потому что сегодня вы слушаете только себя. А моя история требует хотя бы двух человек.

Я вышел на лестничную площадку.

— И ещё, — окликнула она. — Не звоните жене ночью.

— Почему?

— Ночью мы звоним не тем, кого любим, а тем, от кого хотим получить обезболивающее.

Дайте ей выспаться. И себе тоже.

Дома я поставил телефон на зарядку. На экране было три сообщения от Лены.

Первое: «Я добралась».

Второе: «Прости, что так получилось».

Третье: «Ты в порядке?»

Я долго смотрел на последний вопрос. Потом написал: «Да».

Ответ показался мне жалким, и я стёр его.

Написал: «Не знаю».

Стёр и это.

В конце концов положил телефон экраном вниз и впервые за двадцать три года лёг спать, не пожелав жене спокойной ночи.

За стеной работал холодильник. За окном шуршал дождь. Этажом ниже Анна Сергеевна передвигала стулья — один, второй, третий.

Четвёртый она, кажется, оставила у стола.
Для меня.

Вечер второй. Жених с чужим чемоданом

На следующий день я пришёл с тортом.

Это был нелепый круглый торт с розовыми кремовыми цветами и надписью «Поздравляем!». Других в магазине возле дома не оказалось, а идти в гости с пустыми руками мне казалось неприличным.

Анна Сергеевна открыла не сразу.

— Вы кого-то поздравляете? — спросила она, разглядывая коробку.

— Не обращайтесь внимания. Это всё, что осталось.

— Значит, мы будем есть чужой праздник.

Она посторожилась, пропуская меня в квартиру.

— Разувайтесь. Четвёртый стул свободен.

Сегодня электричество было, но люстру она не зажгла. На столе горела лампа под зелёным абажуром, рядом стоял заварочный чайник и две чашки. Похоже, меня ждали.

— Как вы? — спросила Анна Сергеевна.

— Нормально.

— Вы уже начали говорить о браке в прошедшем времени.

— Почему?

— Потому что снова употребили слово «нормально».

Я снял куртку и сел на своё вчерашнее место.

Лена утром прислала сообщение: «Нам нужно несколько дней». Я ответил: «Хорошо». После этого мы оба были в сети, но больше ничего друг другу не написали.

Весь день я пытался работать. Перекладывал документы, отвечал на письма, дважды разговаривал с начальником и не запомнил ни слова. В обед позвонила дочь.

Маша жила в Петербурге, училась в магистратуре и обычно звонила матери. На этот раз позвонила мне.

— Пап, что у вас происходит?

— Ничего особенного.

— Мама у бабушки.

— Она решила немного отдохнуть.

— От чего?

Я чуть не сказал: «От меня», но вовремя остановился.

— Мы разберёмся.

— Только не делайте вид, что всё нормально.

После разговора мне захотелось бросить телефон в стену. В нашей семье вдруг все заговорило одним голосом.

Анна Сергеевна разрезала торт. Надпись «Поздравляем!» разделилась надвое: «Поздрав» досталось ей, «ляем» — мне.

— За что пьём чай? — спросила она.

— За второй вечер.

— Не торопите события. Второй вечер может оказаться хуже первого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.